

Вторая коллекция Серая Марковича Шапшала

АЛЕКСАНДР БАБАДЖАН

 0000-0002-1115-6460

Независимый исследователь

The Second Collection of Seraya Markovich Shapshal

SUMMARY: This article explores the history of the formation of Seraya Markovich Shapshal's second collection, the establishment of the Karaim Historical and Ethnographic Museum in Trakai based on it, the museum's operation and closure, as well as the subsequent history of the collection's items. The study is based on documents preserved in the archive of Shapshal's foundation, housed in the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences, and on records from the Ministry of Religious Denominations and Public Education (MWRiOP) of Poland, stored in the Archives of Modern Records in Warsaw (AAN MWRiOP).

KEYWORDS: Shapshal, Karaim Historical and Ethnographic Museum, Karaims, Shapshal's collection, Karaim Museum

С именем Гахана Хаджи Сераи Марковича Шапшала связаны истории двух караимских коллекций, которые им собирались и пополнялись. Первую коллекцию он начал собирать еще будучи студентом Петербургского университета в 1896 году. Чтобы во время каникул получить разрешение на сбор предметов караимской старины, Шапшалу пришлось по поручению гахама Панпулова написать очерк о караимской крепости *Караимы и Чуфут-Кале в Крыму*, изданный в 1896 году. Собранное Шапшалом было помещено во второе, тогда не используемое, кенаса в Джуфт-Кале. После того, когда Шапшал стал главой Таврического и Одесского караимского духовного правления, по его приказу все было перевезено в Евпаторию и попало в собрание Карай Битиклиги – библиотеки-музея, созданной в 1916 году. В конце 1920 года в библиотеке «Карай-Битиклиги» было более 500 рукописей и 4000 томов книг по караимике и по другим тематикам. В 1921 году в «Карай-Битиклиги» была включена библиотека караима Авраама Юфудовича Мичри, насчитывавшая около 17 000 томов. Там же был организован музей с экспонатами караимской истории и предметами караимского быта. Вот что писал Заведующий Караимской Национальной Библиотекой (Карай-Битиклиги) Сима Саадьевич Ельяшевич (1879, 1933) об одном из эпизодов работы библиотеки:

Высокостепенный основатель Библиотеки не перестает пополнять ее ценными и редкими экземплярами своей библиотеки; между прочим, им передана в библиотеку для временного пользования также часть его собственной библиотеки – книги по караимике. Гахам передал в Библиотеку кроме того на хранение (временно) и для обозрения некоторые исторические вещи своего музея как то: 1) умывальный прибор – куман медный и таз к нему, принадлежавшие Веньямину-Ага, министру двора крымского хана, начальнику Джуфт-Кальской крепости, с его гербом и именем, выгравированными на кувшине восточного типа; 2) доску с библейской надписью – из дворца этого же замечательного вождя народа; 3) 5 предметов деревянной и орнаментной резьбы – доски из Кенасы в Кале и Каирской караимской кенасы; 4) 4 древних брачных акта времен Польских королей: Августа II и Августа III, Екатерины II и Крым

Гирея хана, отличающихся художественным исполнением. Кроме сего, от Гахама доставлено для временного хранения 2 древних серебряных, указки из Кальской кенасы, с соответствующими надписями, а также блюдо с солонкой, поднесенные Гахаму от Севастопольской караимской общины. Все эти музейные вещи, оставаясь личной собственностью Высокостепенного Гахама, украшают нашу Библиотеку¹.

Из *Автобиографии* Бориса Саадьевича Ельяшевича (1881, 1971) узнаем, что он

[...] со своим братом Сима Саадьевичем Ельяшевичем, заведовавшим в то время Библиотекой Карай Битиклиги и Музеем, значительно пополнил Карай Битиклиги рукописями, книгами, портретами выдающихся деятелей и благотворителей, написанными на полотне маслом с натуры известными русскими художниками и представляющими собой большой интерес вместе с тем и как собрание караимских типов; затем художественными картинами с видом домов 17–18 веков и Евпаторийской Кенасы – работы разных художников, в том числе академиков: Самокиша и Химона, а также различными старинными музейными предметами из домашнего обихода караимов².

По рассказам Тамары Исааковны Ормели (1916, 2014), которая еще ребенком с отцом – газзаном г. Симферополя и другом Б. С. Ельяшевича – были в музее Карай Битиклиги, там были караимские костюмы, вышивки, посуда, оружие, предметы быта и т. д. Если судьба самой ценной части книг этой библиотеки известна: собрание Карай-Битиклиги в большинстве своём после 1929 года было распределено между Государственной библиотекой им. В. И. Ленина

-
- 1 С. С. Ельяшевич, *Карай Битиклиги*, «Известия Караимского Духовного Правления» 1918, № 2, с. 12.
 - 2 Б. С. Ельяшевич, *Автобиография*, в: *Материалы к серии «Народы и культуры»*, вып. XIV: *Караимы*, ред. Л. В. Чижова, кн. 3, Москва 1994, с. 195.

в Москве и Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, то судьба экспонатов неизвестна.

Вторую коллекцию Шапшал создал, будучи главой караимов Польши. На основании этой коллекции был создан Караимский музей в Тракае. Вот как описывает Шапшал в 1940 году историю создания музея:

В 1928 г. возникла мысль основания в здешнем старом гнезде караимов – в городе Троках – Караимского Музея, в котором были бы сосредоточены предметы касающиеся истории, а также духовной и материальной культуры караимов. Попутно собиралась и соответствующая цели литература на различных языках. Кроме предметов чисто караимского происхождения собирались и такие восточного, турецко-татарского происхождения, которые были в их обиходе, или же имели влияние на их материальную культуру³.

В статье *Учебно-воспитательное значение музеев* Шапшал подчеркивал важность библиотеки при музее:

[...] у пишущего эти строки возникла уже давно мысль основания особого Музея, в котором были сосредоточены экспонаты, имеющие отношение к быту и материальной культуре караимов. Равным образом, необходимо было собрать и сохранить для будущих историков и лингвистов все, что до сего времени появилось в печати относительно истории, происхождения и языка караимов, не говоря уже о произведениях самих караимских историков, писателей и поэтов... Таким образом, создавалась при основанном в 1938 г. музее и специальная библиотека⁴.

3 Обращение Шапшала к Инспектору по делам музеев при Комиссариате Народного Просвещения, Вильнюс, 28 ноября 1940 года, Б-ка АН Литвы (дале – БЛАН) ф. 143 д. 1105, л. 1–2.

4 С. М. Шапшал, *Учебно-воспитательное значение музеев*, БЛАН ф. 143 д. 1135, л. 3.

Переезжая из Константинополя в Вильнюс Шапшал ехал уже с основной новой коллекции – был оплачен провоз 955 кг груза⁵. Благодаря чему в списках экспонатов музея помечено 32 предмета из Крыма, 2 из Тибриза (Персия)⁶, хотя большая часть без пометок, где они были найдены или куплены. Сохранились документы и черновики из Петербурга, документы и фотографии из Персии и Крыма, большая часть востоковедческой библиотеки музея, переданная Шапшалом, была привезена в том числе и из Крыма. Все это стало возможно, т. к. Шапшал в апреле 1919 года, спасаясь от захвата Крыма Красной армией, через Кавказ добрался в Константинополь, а после захвата Крыма армией Деникина в 1919 году вернулся в Крым, и в конце 1920 года, перед окончательным захватом Крыма Красной армией, уже с вещами переехал в Константинополь.

Обретя в Константинополе устойчивое материальное положение, т. к. в России он потерял все свое состояние, Шапшал продолжал заниматься научной деятельностью и продолжал пополнять свою коллекцию, которую и перевез в Вильнюс в 1928 году. Шапшал продолжал собирать экспонаты в Тракае, Вильнюсе, Луцке. Были подарки от караимов для музея. В экспозицию музея добавлялись грамоты с привилегиями от князей Великого княжества Литовского и королей Польши, которые хранились в специальном шкафу, для этой цели подаренном караимам в 1930 году Игнацием Мостицким – президентом Польши. Во время своих летних поездок с 1934–1938 год в Турцию, Югославию, Париж, Румынию, Болгарию, Сирию он продолжал собирать и покупать экспонаты. Уже 18 июня 1935 года в документах Министерства по вопросам религии и общественного просвещения (МВР и ОП) Польши выделяются 2000 злотых на поездку Шапшала в Константинополь «[...] с целью приобретения там экспонатов для Караимского этнографического музея, который [...]

5 Счет оплаты транспортирования багажа из Константинополя в Вильнюс от 28 апреля 1928 года, БЛАН ф. 143 д. 971, л. 8.

6 Предметы этнографического характера из собрания Шапшала и временных депозитов, БЛАН ф. 143 д. 1103, л. 1–17.

должен появиться в Новых Троках в Виленском воеводстве»⁷. Сохранился отчет Шапшала от 9 октября 1935 года со списком приобретенных в Стамбуле экспонатов, которые были поделены на две части: 14 предметов вооружения (2 ружья, кольчуга, шлем, нагрудник, наручи, «tateza», 2 кремневых пистолета, 3 ятагана, 2 сабли) переправлялись дипломатической почтой и 52 названия предметов обихода, которые переправлялись в двух ящиках Польско-Румынско-Левантской связи через порт Константа. В дальнейшем деньги выделялись «на обеспечение караимских древностей» в 1936 году – 2000 злотых, в 1937 году – 3000 злотых, в 1938 году – 2000 злотых. Сохранились 2 счета закупок экспонатов от 14 и 16 сентября 1938 года в Дамаске – 24 наименования⁸.

Количество экспонатов увеличивалось и хранились они в квартире, которую снимал Шапшал с женой в Вильнюсе. Это была четырехкомнатная квартира, в которой три комнаты имели один отдельный вход, а четвертая с кухней – другой вход и располагалась на втором этаже. Основную часть собрания Шапшал расположил в этих отдельных комнатах.

25 ноября 1936 года Шапшал в обращении к директору воеводского Фонда труда в Вильне писал:

Удалось собрать такое количество образцов, что МВР и ОП очень заинтересовались их судьбой и окружило их своей заботой, дважды выделяя суммы денег для дальнейшего приобретения и обеспечения этих образцов, а также на внутреннее оборудование будущих залов музея.

Дома в Троках, принадлежащие караимской общине, такие малые, что уже хотя бы с взгляда для музея не пригодны, кроме того являются деревянными, а со стороны пожаров – небезопасные. Однако, караимская община имеет свободные участки, на одном

7 Приказ № V 2399/35 от 18 июня 1935 года МВР и ОП о поездке Гахана в Турцию, ААН МВРiOP д. 1467, л. 13–14.

8 Два счета закупок экспонатов в Дамаске от 14 и 16 сентября 1938 года, БЛАН ф. 143 д. 1099, л. 1, 3.

из которых можно возвести соответствующее здание. Поскольку ни трокская община, ни даже весь Религиозный караимский союз нужными средствами не располагает, поэтому я имею честь обратиться к господину директору с почтительной просьбой о выделении Союзу долговременной ссуды для вышеизложенной цели по прилагаемой смете⁹.

Сохранилась смета архитектора, датированная 19 ноября 1936 года на 21 000 злотых¹⁰. Одновременно с этим Шапшал пытался найти помещения для временного размещения экспозиции музея в Троках. 7 мая 1936 года обратился к куратору Виленского школьного округа:

В результате переговоров Министерства с Кураторством виленских школ и руководством учительской семинарии в Троках было предложено для этой цели каменный домик на ул. Школьной означенной семинарии. Однако помещение находится на отшибе, далеко от автобусной остановки, что очень затруднило бы экскурсиям посещение музея, а также в связи довольно значительного расстояния от центра города и Караимщизны, что опять мешало охранять его, – просил бы господина куратора распорядиться отдать под наш музей и архив несколько комнат, только в двухэтажном доме, находящемся при входе на Караимщизну, ныне интернат. Это устранило бы все перечисленные недостатки¹¹.

Договориться о временном помещении под музей не получилось.

О дальнейших событиях в 1940 году Шапшал писал:

VI Съезд Польских Ориенталистов, собравшийся летом 1937 года в г. Вильне, по ознакомлении с предметами, представленными для

9 Обращение Шапшала к директору воеводского Фонда труда в Вильне от 25 ноября 1936 года, БЛАН ф. 143 д. 1043, л. 106.

10 Смета строительства музея от 19 ноября 1936 года, БЛАН ф. 143 д. 1043, л. 98–100.

11 Обращение Шапшала к куратору Виленского школьного округа от 7 мая 1936 года, БЛАН ф. 143 д. 1043, л. 75.

будущего Караимского Музея, представил б. Польскому Министерству Народного Просвещения меморандум с ходатайством об отпуске средств из казны на постройку в г. Троках здания под означенный Музей. Министерство в том же году командировало в Вильно для осмотра предметов специалистку по музеям – советника Министерства – Я. Пшеворскую; одновременно приехал также директор Департамента Фр. Потоцкий. После их совместного доклада Польское Правительство ассигновало 33.000 злотых на постройку и устройство Музея¹².

Деньги были выделены под новую смету строительства, утвержденную 27 августа 1938 года¹³, привязанную к конкретному участку. Городской совет г. Троки 1 марта 1938 года решил:

Подарить Караимскому религиозному союзу Польши участок, расположенный в г. Тракае при ул. Ковенской № 30, который раньше был собственностью караима Михаила Жарновского, а сейчас переходящий в собственность г. Трок, оцененный в 200 злотых, для строительства на нем Караимского музея¹⁴.

Участок конфисковали т. к. М. Жарновский жил в то время в Симферополе.

Здание музея было торжественно заложено 6 июля 1938 года. До начала Второй мировой войны здание было возведено, оставались внутренние работы. Работы вновь возобновились только после вхождения Вильнюса и Литвы в СССР и решения Управления Тракайского

12 Обращение Шапшала к Инспектору по делам музеев при Комиссариате Народного Просвещения. Вильнюс, 28 ноября 1940 года, БЛАН ф. 143 д. 1105, л. 1.

13 Смета строительства архитектора Я. Боровского, утвержденную 27 августа 1938 года, БЛАН ф. 301 д. 484, л. 1–6.

14 Решение Городского совета г. Троки 1 марта 1938 года, БЛАН ф. 301 д. 482, л. 42.

округа 21 октября 1940 года о выделении 14 000 литов на внутренние работы¹⁵.

О дальнейших событиях и структуре музейных экспонатов Шапшал 28 ноября 1940 года писал:

Постройка здания, ныне, благодаря отпущенному Литовским Правительством дополнительному кредиту в 14.000 литов почти доведена до конца, но работы еще идут под руководством виленского архитектора Я. Боровского. Нет еще лестницы, ведущей на второй этаж, хотя там уже ведутся работы по устройству помещения под библиотеку и квартиру заведующего музеем. Работы займут еще 2 месяца времени.

Уже изготовлены для экспонатов и свезены в Троки 10 стеклянных шкафов и 12 таких же столов. Часть предметов громоздких – старинные земледельческие орудия и специально пожертвованный б. Польским Президентом шкаф для помещения в нем привилегий, данных караимам литовско-польскими королями и оригиналы этих документов находятся также в Троках. Здесь, в Вильнюсе, в частной квартире основателя музея, ныне назначенного Народным Комиссаром Просвещения его globejas [опекун – А. Б.] – Проф. С. Шапшаласа, – находятся на хранении большинство экспонатов Музея.

В общем в Музее имеется свыше 500 предметов, научным описанием которых и занят ныне их собиратель и в большинстве случаев – жертвователь, – globejas С. Шапшалас, который распределил их на следующие группы:

- 1) Исторические документы, представляющие собою:
 - а) грамоты литовско-польских королей и властей,
 - б) ярлыки крымских ханов и распоряжения татарской власти,
 - с) фирманы турецких султанов и пр.
- 2) Художественные произведения, гравюры и фотографии типов здешних и крымских караимов, их исторических памятников и пр. видов иконографии.

15 Договор Управления Тракайского округа с Ш. Фирковичюсом 21 октября 1940 года, БЛАН ф. 301 д. 482, л. 182.

- 3) Предметы домашнего устройства и быта: старинной ткани полотенца, покрывала, ковры, мебель, медная посуда, переносные печи, оригинальные кухонные принадлежности и пр.
- 4) Народные одеяния караимов как мужчин, так и женщин; одеяния богатых и бедных; одеяния и облачения духовенства; предметы культа.
- 5) Предметы сельского хозяйства и старинные земледельческие орудия.
- 6) Старинное оружие: кольчуги, шлемы, кремневые ружья, пистолеты; азиатские ятаганы, сабли, пороховницы, стрелы, секиры и т. д.
- 7) Монеты Крымского ханства, чеканенные караимами (имеется подлинный документ XVI в. это подтверждающий); собрание монет других мусульманских стран, а равно и старопольские.
- 8) Коллекция различных восточных рукописей и предметов турецких, персидских и пр., имевших влияние на караимскую культуру¹⁶.

К этому собранию необходимо добавить еще и востоковедческую библиотеку около 1500 наименований с коллекцией книг и статей на караимскую тематику.

30 июня 1938 г. был утвержден статут Музея, в силу которого собственником Музея является Караимский Религиозный Союз с Гаханом во главе, который собрал и пожертвовал все предметы Музея и предоставил часть своей Библиотеки для пользования посетителей¹⁷.

16 Обращение Шапшала к Инспектору по делам музеев при Комиссариате Народного Просвещения. Вильнюс, 28 ноября 1940 года, БЛАН ф. 143 д. 1105, л. 1–2.

17 Обращение Шапшала в Reichkommissar Abteilung Wissenschaft und Kultur, БЛАН ф. 143 д. 1124, л. 1.

Музей был развернут в квартире Шапшала в Вильнюсе на ул. Строма, переименованной в ул. Кестучио, № 17, кв. 1 для отдельных посетителей. Квартира находилась на втором этаже, где три смежные комнаты имели отдельный вход из коридора, в которых и был музей – комнаты 23, 14 и 17 м², у семьи Шапшала оставался кабинет с отдельным входом – 20 м² и кухня 17 м², в которой была ванная и складик¹⁸.

О дальнейшем Шапшал пишет:

До июля 1940 г., т. е. до появления Советской власти, Музей существовал на основании статута 1938 года, т. е. состоял при Караимском Духовном Правлении. При Советской власти было издано распоряжение сдать все метрические книги и архивы, что и было исполнено караимами, но Музей, как таковой, конечно не мог оставаться в руках духовенства и заведующего им – Гахану было объявлено, что в виду того, что Музей создан им, то он временно остается в его руках и под его ответственностью, пока не будет решена его участь. Создалось впечатление, что по недоразумению Музей может быть или вывезен, или же расчленен и предметы – розданы по разным иным музеям.

Вследствие этого, заведующий Музея – Гахан караимский обратился к президенту Литовской Академии Наук (тогда еще Института Литуанистики) – профессору Креве-Мицкевичу с просьбой принять Музей в число учреждений, состоящих под ведением Академии. Президент Академии охотно согласился и 15 января 1941 года был подписан акт о передаче Музея Академии¹⁹.

Шапшал с 1 февраля 1941 года становится официальным директором Караимского историко-этнографического музея до 1947 года.

18 План Караимского музея, БЛАН ф. 143 д. 1117, л. 7.

19 Обращение Шапшала в Reichkommissar Abteilung Wissenschaft und Kultur, БЛАН ф. 143 д. 1124, л. 2–3.

«В 1941 году он был открыт для бесплатного посещения по воскресеньям с 10 утра до 13:00, а в 1947 году – два дня в неделю»²⁰.

О работе музея Шапшал писал:

Два научных работника со специальной подготовкой (ориенталисты) проводят при Музее постоянную работу по разбору монет и по описанию предметов. Энергично ведут розыски по обнаружению все новых и новых экспонатов, представляющих собою или предметы собственно караимского производства, или же предметы, производства родственных им народностей, бывшие также в обиходе и у караимов. – Предметы эти, хотя главным образом, приобретаются путем покупки, но в самое последнее время учащаются случаи пожертвования со стороны проявляющих участие постоянных посетителей Музея²¹.

Коллекция музея пополнялась экспонатами с 1942–1947 год, в том числе картинами и гравюрами разных художников, среди которых были картины Бориса Исааковича Эгиза²². Два больших портрета Ленина и Сталина Шапшал прятал всю оккупацию. Летом 1944 года коллекция музея пополнилась некоторыми книгами Муфтията. Вот как это описывает Шапшал:

[...] №№ этого журнала [Япон Мухбири – А. Б.] достались мне совершенно случайно от ныне умершего здешнего муллы И. Смайкевича вместе с другими книгами, валявшимися на полу квартиры б. муфтия здешних мусульман – гитлеровца Якуба Шинкевича, через несколько дней после его бегства отсюда вместе с немецкими гражданскими властями, летом 1944 г.²³

20 S. Szapszal, *Seraya Szapszal's Karaim Collection*, ред. Ž. Būčys, пер. A. Gaižauskas, Vilnius 2003, с. 18.

21 Тот же, *Учебно-воспитательное значение музеев*, л. 4.

22 Предметы этнографического характера из собрания Шапшала и временных депозитов, л. 16–17.

23 Начальнику Главлита при Совете Министров Лит. ССР Товарищу Малыгину. Вильнюс, 6 апреля 1948 года, БЛАН ф. 143 д. 150, л. 15.

Во время немецкой оккупации Шапшал сделал попытку вернуть караимской общине музей по аналогии возврата книг и рукописей Муфтията, направив письмо Рейхскомиссару Отдела науки и культуры.

Вслед за этим, Муфтий мусульманский – д-р И. Я. Шинкевич, по тем же соображениям и на тех же условиях, 5 апреля 1941 г., передал рукописи и всю коллекцию предметов Муфтията той же Литовской Академии Наук.

По своему существу, ни караимские музейные предметы, ни коллекция Муфтията не имеют ничего общего с историей и культурой Литвы и не представляют для нее никакого интереса. В отношении предметов Караимского Музея это было официально подтверждено Академией Наук 28 марта 1942 г., протоколом № 5, по поводу представленного для напечатания в трудах Академии исследования о крымско-татарских исторических документах и об одной турецкой монете из коллекции Караимского Музея.

Мусульманский Муфтий уже обратился в Литовское Управление Народного Просвещения с просьбой вернуть ему вынужденно переданную им в Академию коллекцию Муфтията и 29 сентября с. г. последовало официальное согласие на возвращение ему рукописей и книг, имеющих религиозно-богословский характер²⁴. Муфтий, однако, требует возвращения целиком всего, что им было передано по акту 5 апр. 1941 г.

В виду всего вышеизложенного, и принимая во внимание, что предметы Караимского Музея ничем не связаны с историей Литвы и, как мы видели из ответа Академии, они не представляют для нее никакого интереса (в прежних университетах не имеется даже кафедры языков и литературы Востока), – я по примеру мусульманского духовного главы просил бы о распоряжении вернуть Караимскому Духовному Правлению все имущество Караимского Музея. Музей этот был передан Академии в исключительных условиях и по тем же самым соображениям и на таких же условиях, что и коллекция

24 Это составляет почти $\frac{2}{3}$ всей коллекции Муфтията (примечание Шапшала).

Муфтията. Если просьба мусульман уважена то, казалось бы, нет никаких оснований отказывать и караимам.

В ожидании компетентной резолюции, пользуюсь случаем выразить свое глубокое уважение²⁵.

Но немецкое руководство с этим не согласилось.

После прихода советских войск в Вильнюс была проведена инвентаризация и протокол приводим без перечней инвентарных номеров по каждой группе экспонатов:

Дополнение к Протоколу № 1 от 19 июля 1944 г.

Предметы Музея делятся на восемь следующих групп:

- a) оружие – число предметов – 71
- b) одежда, обувь и головные уборы – число предметов – 61
- c) ручные ткани – число предметов – 73
- d) домашняя утварь и обстановка – число предметов 85
- e) иконография – число предметов – 67
- f) предметы религиозного культа – числом 28
- g) ювелирные изделия и прочие украшения – число предметов 46
- h) varia – число предметов 94 – делится на следующие подгруппы:
 - 1) упряжь – 11
 - 2) куклы в национальных одеждах – 5
 - 3) детские игрушки – 9
 - 4) письменные принадлежности – 6
 - 5) музыкальные инструменты – 1
 - 6) изразцы (керамика)–29
 - 7) мелочи – 28
- i) земледельческие орудия – число предметов 5
- j) нумизматика – 606 монет (вся коллекция делится:
 - 1) монеты восточные – 355 экз.
 - 2) европейские – 251 экз.)

25 Обращение Шапшала в Reichkommissar Abteilung Wissenschaft und Kultur, БЛАН ф. 143 д. 1124, л. 3–4.

Условия, в которых приходилось работать музеем, отчасти можно понять из строк доклада Шапшала в 1945 году:

Музей, переживший в прошлом году тяжелые дни уличных боев, когда служащие Музея с риском для своей жизни, спасали имущество Музея, сильно пострадал: выбиты стекла в окнах, шкафах и наличниках осколками снарядов и пулями. Еще, хотя уличное уже приведено в порядок, но необходимо еще достать 15 кв. метров стекла, чтобы привести все в должный порядок. – В прошлом году Музей совершенно не отапливался, за исключением канцелярии, которая, как и в этом году, отапливается на средства директора, ибо не отпущено ни одного метра дров; по-видимому, та же участь ожидает Музей и в эту зиму²⁸.

Во время оккупации такое же положение было с отоплением музея.

В конце войны было разрешено желающим бывшим гражданам Польши выехать в Польшу. Шапшал с семьей получает эвакуационный лист, датированный 28 февраля 1945 года, на выезд в Лодзь. Аналогичные листы получила Лидия Окулевич и семья доктора Константина Лопатто, с которой дружила семья Шапшала. Если переезжать, то они собирались все вместе переехать. Из Польши Шапшала уговаривал переезжать проф. Ананий Ахиезерович Зайончковский, обещая квартиру и работу востоковеда, но Шапшал не решался все бросить в Литве. Сохранился черновик письма Зайончковскому без даты, где Шапшал писал: «Ведь в моих письмах я определенно выяснил свою позицию и свое мнение относительно переезда. Да и сейчас держусь убеждения, что я буду там лишним человеком»²⁹.

Эти настроения поддерживал Борис Яковлевич Кокенай, он писал в письме от 27 марта 1946 года:

28 Доклад о Караимском Историко-Этнографическом Музее в ЦК КП(б) Литвы. Вильнюс, 20 ноября 1945 года, БЛАН ф. 143 д. 1107, л. 66.

29 Черновик письма А. А. Зайончковскому без даты, БЛАН ф. 143 д. 150, л. 21.

Из В/письма я заключаю, что Вы не прочь откликнуться на призыв проф. Заянчковского для совместной научной работы. Я боюсь, чтобы после Вашего отъезда Музей не постигла бы та же участь, как другого В/детища – Музея в Крыму. Кроме того, одно уже В/имя служит объединяющим центром для караимов³⁰.

Вероятнее всего, Кокеная озвучил мысли самого Шапшала, что и определило решение остаться, остались и Окулевич, и семья доктора Лопатто.

До 1945 года построенное под Музей здание в Тракае остается в ведении караимов, затем национализируется под другие нужды. Администрация АН Литвы предлагает передать фонды Караимского Музея существующим музеям. АН Литвы была сформирована на основании Каунасского Института Литуанистики и их интересовало все, связанное с культурой Литвы и Литвой, а коллекция Шапшала в основном была связана с Крымом и странами Востока. И эти материалы их мало интересовали.

Шапшал категорически протестует против этого, его поддерживают востоковеды и администрация АН СССР.

С 1947 году Шапшала переводят старшим научным сотрудником в Институт Истории АН Лит ССР. Возглавляет Музей Окулевич, работавшая с Шапшалом еще в Польше.

В 1947 году было распоряжение № 623 от 25 июля – передать все экспонаты в состав Этнографического музея АН Лит ССР. Но благодаря протестам Шапшала и поддержке востоковедов из АН СССР музей всё еще продолжает существовать самостоятельно. Цитата из письма вице-президента АН СССР академика Вячеслава Петровича Волгина президенту АН Литовской ССР Юозасу Юозовичу Матулису:

По отзывам авторитетных лиц, в их числе академика Крачковского, музей представляет большую научную ценность, а его директор

30 Письмо Б. Кокеная к Шапшалу от 27 марта 1946 года, Ростов на Дону, БЛАН ф. 143 д. 375, л. 72.

профессор Шапшал является видным ориенталистом с серьезными научными заслугами.

В связи с этим было бы желательно сохранить музей в составе Академии Наук Литовской ССР в качестве самостоятельной единицы, создав при этом благоприятные условия для работы его научного руководителя проф. Шапшал³¹.

Данное письмо написано после приезда комиссии от АН СССР, в которую входили: научный сотрудник ИИМК (Институт Истории Материальной Культуры) АН СССР, кандидат исторических наук Георгий Борисович Федоров и аспирант Института истории АН СССР Александр Моисеевич Некрич, оба будущие профессора, крупные востоковеды. Ими был написан хвалебный отчет о музее. Вот отрывок из их отчета:

Несмотря на малочисленность населяющих Литовскую ССР караимов, благодаря стечению обстоятельств, именно в г. Вильнюсе и находится единственный в мире Караимский музей. Как явствует из краткого обзора его отделов этот Музей заключает в себе ценные памятники письменности, материальной культуры и искусства караимского народа. В Музее богато представлены различные памятники материальной культуры не только караимов Литвы, но и караимов всего мира, отдельные общины и поселения которых находятся в Египте, Сирии, Турции, Польше, на Сев. Кавказе /Кубань/, в Крымской области /этнический центр и прародина караимов/.

Научная ценность, полнота и разносторонность подбора экспонатов музея не является случайностью. Заслуга приобретения и подбора и паспортизации памятников принадлежит профессору Шапшалу, который лично собрал этот музей, принес его в дар государству и сохранил во время немецкой оккупации³².

31 Письмо вице-президента АН СССР академика В. П. Волгина к президенту АН Литовской ССР Ю. Ю. Матулису, 4 сентября 1947 года, БЛАН ф. 143 д. 1121, л. 1.

32 Отчет об обследовании Караимского Историко-этнографического Музея 3 сентября 1947 года, БЛАН ф. 143 д. 1122, л. 4.

Но спокойно работать Шапшалу и музею не давали. В воскресном номере 4 июля 1948 года в органе Центрального Комитета КП(б) Литвы, Верховного Совета и Совета Министров Литовской ССР газете «Советская Литва» публикуется статья *О делах музейных* П. Бержиниса, которая начинается:

Верующие караимы решительно протестуют в своем письме против того, что Академия наук Литовской ССР главу караимской церкви господина Шапшала назначила по совместительству с исполнением церковной службы директором караимского музея, а его заместителем также назначила высоко служащего культа. [...] Господин Шапшал и его коллега имеют полную возможность отправлять церковную службу. [...] Ведь в нем [музее – А. Б.] имеется только 3 старых седла, 2 турецких сабли, да фотографии караимов, заснявшихся с министром панской Польши и начальником полиции³³.

Шапшалу пришлось опровергать эту клевету. К этому присоединился Федоров, написавший возмущенное письмо в редакцию, сопроводив его материалами проверки музея, письмами академика Волгина и отзывами о работе Шапшала академиков Игнатия Юлиановича Крачковского и Владимира Александровича Гордлевского³⁴. Научную деятельность и музей защитить было просто, но вот отношение к религии опровергнуть было непросто. В статье заместителем, без имени, фигурировал Уллу-газзан Семен Адольфович Фиркович – знаток караимского языка и культуры, поэт и писатель, который не отказался от сана и оставался газзаном в Тракае, а с ним Шапшал продолжал общаться по научным вопросам и вопросам общины. Приходилось писать письма и в автобиографиях

33 П. Бержинис, *О делах музейных*, «Советская Литва» 1948, № 157 (1497), с. 3.

34 Г. Б. Федоров, письмо в редакцию «Советская Литва», 16 июля 1948 года, Москва, БЛАН ф. 143 д. 36, л. 1–2.

подчеркивать, что в 1945 году отказался от духовной должности, и это утверждать не только в 1948 году, но и 1950 году³⁵, и в 1953 году³⁶.

На некоторое время от реформирования музея отказались, но ненадолго. Вновь вернувшись к этой идее и, желая избавиться от преграды в виде востоковеда, с 10 февраля 1950 года Шапшала увольняют с работы по сокращению штатов. Шапшал направил письмо Сталину, в котором писал:

Музей этот отображает историю и быт караимского народа, часть которого в конце XIV в. была выведена из Крыма и поселена в Литве после похода литовского князя Витовта в этот край, составлявший тогда удел Золотой Орды. Собранные Музеем материалы имеют отношение и караимам крымским и проч. стран. Таким образом, музей является единственным в мире. В нем имеются также экспонаты, относящиеся вообще к разным мусульманским странам и некоторые из них являются уникальными, представляя собой большую ценность. Но, к сожалению, сам Институт Истории Литвы АН Лит. ССР, при котором состоит этот музей, не интересуется специально вопросом востоковедения.

АН Лит. ССР, несмотря на предложения вице-президента АН СССР – В. П. Волгина, которое было принято вначале к исполнению (в 1947 г.), – ныне решила ликвидировать этот музей, раскассировав его экспонаты путем передачи их в существующие при Лит. Академии двум другим музеям – Историческому и Этнографическому. Между тем, рукописи этого музея и библиотека при нем, да и самые экспонаты музея представляют такую научную ценность, что ими интересовались и изучали их ученые ориенталисты с таким именем, как акад. И. Ю. Крачковский и другие, не говоря уже о ряде студентов как Московского государственного

35 Автобиография профессора Шапшала Хаджи-Серая (Сергея) Марковича, 16 февраля 1950 года, БЛАН ф. 143 д. 34, л. 15; С. М. Шапшал, письмо в редакцию «Советская Литва», 24 июня 1950 года, Вильнюс, БЛАН ф. 143 д. 39, л. 2.

36 Автобиография Проф. Сергея Марковича Шапшала, 20 января 1953 года, Вильнюс, БЛАН ф. 143 д. 25, л. 5.

и Вильнюсского университетов, специально командированных для работы в музей, равно и студентов Вильнюсского Педагогического института, сотрудников Управления по Делах Архитектуры в г. Вильнюсе и мног. др.

С 10 февраля т. г. АН Лит. ССР, ввиду сокращения штатов служащих на 15%, в числе других отчислила и меня от занимаемой мною должности старшего научного сотрудника и научного руководителя, созданного и подаренного мною Государству музея. Таким образом, ряд предметов, восточных рукописей и монет этого музея, которые я еще не dokonчил исследовать и описывать, – за неимением в Литве ни одного ориенталиста, останутся навсегда неисследованными.

Чувствуя себя еще в силах, я желал бы посвятить остаток своей жизни нашему Советскому Союзу, использовав для этого свой многолетний опыт и знания по истории Востока и восточных языков, а потому, покорнейше просил бы предоставить мне эту возможность, хотя бы вернув меня к моей прежней службе при Литовской АН³⁷.

Письмо пересылается первому секретарю Компартии Литвы Антанасу Юозовичу Снечкусу. Дальнейшую судьбу письма узнаем из обращения Шапшала от 4 апреля 1950 года:

Многоуважаемый Товарищ!

По Вашему совету, 3 марта я вкратце, письменно изложив свою просьбу подал на имя тов. Снечкуса, прося назначить мне день, когда я мог лично к нему явиться. Прождав долгое время, я вновь обратился к нему письменно 23 марта, и тоже до сего дня не получил ответа. Между тем, из Москвы мне пишут, что заявление мое, поданное И. В. Сталину через ЦК ВКП(б) 24 февраля, переслано на рассмотрение тов. Снечкусу 26 февр. за № 6/3452. За все время от 23 марта я часто приходил в бюро пропусков и по телефону звонил к Вам по № 4–1–7, но никак не мог дозвониться.

37 С. М. Шапшал, заявление И. В. Сталину, 24 февраля 1950 года, БЛАН ф. 143 д. 34, л. 55–56.

Очень прошу Вас назначить мне время и распорядиться о пропуске, дабы я лично мог с Вами поговорить о своем деле, т. к. я вижу, что тов. Снечук очень занят и не может уделить мне время для личной встречи³⁸.

Шапшал продолжает защищать музей и добиваться восстановления на работе. По инициативе и предложению Совета по координации научной деятельности АН союзных республик при общем собрании АН СССР, согласно просьбе президента АН Литовской ССР, направляется г. Вильнюс с 14 по 23 июня 1950 года академик Гордлевский. Приводим часть копии отчета осмотра музея академиком:

Материальная база Караимского музея – помещение и специальные ассигнования на приобретения и обработку экспонатов (всего 1500 р.) – весьма недостаточна. Музей занимает три небольшие комнаты в квартире бывшего владельца коллекции проф. Шапшала и по существу находится почти в свернутом виде. Недостаток помещения не дает возможности полностью экспонировать его довольно значительные по количеству и весьма интересные по своему существу этнографические коллекции.

Музей состоит из двух отделов: 1: собственно, музея и 2: небольшой, но весьма ценной и уникальной по своему значению специальной библиотеки по караимоведению, где собраны все издания, касающиеся истории, археологии, этнографии, языка и литературы караимов.

Подбор коллекции музея характеризует быт литовских и крымских караимов (отчасти имеются экспонаты, относящиеся к египетским и сирийским караимам). Часть предметов, рукописей и книг не имеют прямого отношения к караимам и характеризуют быт мусульманского Востока (часть караимов).

38 Обращение С. М. Шапшала в ЦК КП Литовской ССР от 4 апреля 1950 года, БЛАН ф. 143 д. 34, л. 19.

Следует отметить, что по своему значению музей, точно также, как и библиотека, является единственным в своем роде центром караимоведения и с этой точки зрения имеет большое научное значение.

Все экспонаты музея по своему характеру могут быть классифицированы на два основных отдела и три специальных коллекции.

К первому отделу относятся экспонаты по истории и археологии караимов, а именно некоторые предметы, полученные Музеем в результате раскопок в Троках (деревянная обувь, предметы домашнего обихода, оружие, которым пользовались караимские воинские части в XV–XVIII вв. на службе у литовских великих князей, а также предметы, связанные с историей переселения караимов в Литву). К данному же отделу может быть отнесена специальная, довольно значительная, (но не во всем связанная с караимами) нумизматическая коллекция, насчитывающая 355 восточных и 251 западных золотых и серебряных монет, т. е. всего 606, в большинстве своем найденных в Крыму и чеканенных в Бахчисарае и Чуфт-Кале.

Наиболее полно представлен второй отдел, характеризующий производственную деятельность и быт современных караимов: 1) одежда, обувь и головные уборы караимов, всего 51 предмет; 2) кустарные ткани: полотняные, шелковые, шерстяные, главным образом местные, и отчасти привезенные из Крыма, Ирана, Египта, Сирии и проч., всего 73 предмета; 3) домашняя утварь и мебель: столы, подушки, подсвечники, посуда, кувшины и т. д., всего 85 предметов; 4) ювелирные изделия: женские и мужские золотые и серебряные украшения с... – 46 предметов; 5) керамика и изразцы; 6) упряжь (седла, пояса, кнуты, переметные сумы и проч.); 7) музыкальные инструменты; 8) письменные принадлежности; 9) детские игрушки; и пр. К этому же разряду могут быть отнесены две специальные коллекции: 1) небольшая коллекция предметов религиозного культа караимов, в которой 28 предметов (облачения, кадильницы, ритуальная обувь и проч.) и 2) коллекция фотографий, гравюр, зарисовок и картин, характеризующих быт и материальную культуру караимов (типы караимов, жилища, домашние предметы и проч.).

Особый интерес представляют оригинальные рисунки караимского художника Эгиза, акварели Поземского, Бийима Херсонского.

Все указанные экспонаты, как уже отмечалось выше, не имеют какого-либо плана экспозиции, а часть их находится в свернутом виде.

Второй отдел – караимская библиотека, (состоящая из 1231 книги, из которых 1092 – пожертвовано проф. Шапшалом) также является по своей полноте чрезвычайно интересным и ценным собранием книг, специальных исследований и рукописей, посвященных караимам. Здесь собраны все издания на караимском языке и о караимах, которые были напечатаны и в России до Великой Октябрьской Социалистической Революции и в Советском Союзе (Москва, Ленинград, Крым, Кавказ) и в Польше (краковские, вильнюсские, луцкие и проч. издания) и в других государствах. Исследователь материальной и духовной культуры караимов найдет в ней самую полную коллекцию книг, непосредственно касающихся караимов; он может по данной библиотеке составить полную библиографию о караимах.

Библиотека Караимского музея является как бы естественным дополнением музея и не может быть отделена от него.

Выводы

1. Караимский музей представляет, несомненно, большую научную ценность, как центр советского караимоведения. Ценность его увеличивается еще и тем обстоятельством, что он находится в непосредственной близости к одному из основных заселений караимов – к трокским караимам. Коллекции музея, отражающие в основном историю и быт литовских караимов (трокских и понежежских), вместе с тем содержат также и экспонаты, характеризующие караимов крымских, польских, египетских и сирийских. Таким образом и музей, и библиотека при нем являются по существу единственным собранием экспонатов и книг, отражающих историю и быт караимов, а потому должны быть сохранены в полном объеме без отделения библиотеки от музея. Только отдельные экспонаты и книги относятся к, так называемому, мусульманскому Востоку, могут быть изъяты из музея и переданы соответствующим по тематике музеям. Что касается организационных форм

существования Караимского музея, то представляется целесообразным присоединить его к существующему Литовскому этнографическому музею при институте истории Академии наук Литовской ССР либо в качестве отдела или сектора, либо филиала, что соответствует также и пожеланиям президиума академии наук Литовской ССР.

2. Караимский народ, незначительный по количеству, является весьма интересным в научном отношении. Проблема его происхождения и, в частности, генетической связи его с хазарами до сих пор не разрешена наукой. Поэтому, было бы желательно использовать все возможности для организации при академии наук Литовской ССР научных исследований, посвященных караимам. Для этого необходимо привлечь к научной работе советских тюркологов, и прежде всего единственного специалиста по караимам и тюрколога проф. Шапшала, живущего в Вильнюсе. Проф. Шапшал, бывший духовный глава (хахам) караимской религиозной общины, ныне, судя по его вторичному заявлению, посланному в газету «Советская Литва», снял с себя этот сан и окончательно прекратил свою деятельность, связанную с бывшей должностью, перешел всецело на путь советского ученого. Проф. Шапшал мог быть использован как специалист по караимам в качестве научного консультанта и сотрудника при Караимском музее Института истории, где он и работал над темой «Караимы в Литве» до 1950 года, когда был отчислен по сокращению штатов. Все эти обстоятельства, а также факт добровольного со стороны Шапшала дара правительству Литовской ССР Караимского музея и библиотеки, сохранения этого музея во время немецкой оккупации позволяет надеяться, что проф. Шапшал может в своей дальнейшей работе в качестве научного работника принести пользу советскому государству.

Академик В. А. Гордлевский³⁹

39 Отчет о поездке в Вильнюс с 14 по 23 июня 1950 года академика В. А. Гордлевского, БЛАН ф. 143 д. 34, л. 49–52.

Все это послужило тому, что в ноябре 1950 года по решению ЦК КП Литвы Шапшала восстанавливают на работе. Но это не спасло музей.

5 февраля 1951 года был издан окончательный приказ о передаче всего имущества Караимского историко-этнографического музея Этнографическому музею АН Лит ССР⁴⁰.

За время работы Караимского музея сохранились книги посещения музея с 1941 года по 7 марта 1951 года, в которых содержится 8186 записей посещений как единичных, так групповых⁴¹.

Имущество музея вывозится. Узнав о ситуации Шапшала с руководством Института и АН Литвы, сосед, совместно с хозяйкой дома, с помощью ложных обвинений добивается решения суда от 25 июля 1951 года о выселении из квартиры Шапшала⁴², и ему приходится переехать на другую квартиру ул. Блинджу 14, кв. 3, к караимам.

В 1967 году в здании, специально строившемся под Караимский музей, начал работать Караимский этнографический музей. Выставка была создана на основе коллекции, собранной Шапшалом. Часть этих экспонатов выставлено в экспозиции замка на острове.

В 2003 году был выпущен каталог коллекции Шапшала и в нем представлено 872 экспоната, отдельно описана нумизматическая коллекция Шапшала и сообщается, что большая часть библиотеки, рукописей и других письменных материалов передано в библиотеку им. Врублевских АН Литвы, фонд Шапшала F 143⁴³.

В 2011 году музею было присвоено имя Шапшала в память 50-летия со дня его смерти.

В заявлении в Совет Министров Лит. ССР Шапшал писал:

40 Приказ № 8 директора Института истории Литвы, Вильнюс, 5 февраля 1951 года, БЛАН ф. 143 д. 1128, л. 1.

41 Книга посетителей Караимского Музея, 1941–1950, БЛАН ф. 143 д. 1111, л. 1–133; Книга посетителей Караимского Музея, 1950–1951, БЛАН ф. 143 д. 1129, л. 1–10.

42 Решение суда о выселении Шапшала от 25 июля 1951 год, БЛАН ф. 143 д. 77, л. 13–14а.

43 S. Szapszal, *Seraya Szapszal's Karaim Collection*, с. 143–152.

Собранная мною коллекция представляет большую ценность не только для изучения вопроса о караимах, но и всех народов, среди которых они проживали. Моей мечтой было превратить эту коллекцию в Музей со специальной при ней библиотекой, т. е. создать большое научное учреждение, которое помогло бы многим историкам в их работе⁴⁴.

Фактически Шапшал пытался создать в Тракае научно-исследовательский центр караимоведения. Для этого собирались предметы материальной культуры караимов не только как религиозного течения, но и как тюркского народа, собиралась вся литература, касающаяся караимов. Здесь должны были работать научные сотрудники, которые будут изучать, анализировать собранные материалы и пополнять новыми материалами. Он подготавливал место для работы не только советских ученых, но и ученых других стран, для этого планировалось готовить описания на разных языках. При его связях и знакомствах в мировой среде востоковедов эта задача могла быть выполнена в Польше, при огромной помощи ее властей, но началась Вторая мировая война и все возможности были утрачены. Пришлось воевать, чтобы сохранить сам музей, но и этого не удалось достигнуть, несмотря на все усилия Шапшала, поддержку востоковедов и руководства АН СССР.

Караимский музей и ныне не стал центром караимоведения и, к сожалению, слишком мало представляет собранную Шапшалом коллекцию.

Прошло много десятилетий после ликвидации музея и смерти Шапшала, он давно признан одним из крупнейших востоковедов Литвы, но его мечта так и не осуществлена.

44 Заявление С. М. Шапшала в Совет Министров Лит. ССР от 19 августа 1947 года, БЛАН ф. 143 д. 115, л. 5–6.

Источники

- Бержинис П., *О делах музейных*, «Советская Литва» 1948, № 157 (1497), с. 1–4.
- Документы Архива караимского религиозного общества, БЛАН ф. 301.
- Документы Министерства по вопросам религии и общественного просвещения (МВР и ОП) Польши из Архива новых актов в Варшаве (AAN mWRiOP).
- Документы фонда Шапшала, б-ка АН Литвы им. Врублевских F143 (БЛАН ф. 143).
- Ельяшевич Борис Саадьевич, *Автобиография*, в: *Материалы к серии «Народы и культуры»*, вып. XIV: *Караимы*, ред. Л. В. Чижова, кн. 3, Москва 1994, с. 167–206.
- Ельяшевич Сима Саадьевич, *Карай Битиклиги*, «Известия Караимского Духовного Правления» 1918, № 2, с. 11–13.
- Szapszal Seraya, *Seraya Szapszal's Karaim Collection*, ред. Ž. Būčys, пер. A. Gaižauskas, Vilnius 2003.